Интертекстуальность как способ воплощения авторского мироощущения в поэзии А. Подгорновой

С. В. Шеянова

*Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва,
г. Саранск, Российская Федерация,
sheyanovas@mail.ru*

А. Ф. Юсупов

*Казанский федеральный университет,
г. Казань, Российская Федерация,
faikovich@mail.ru*

А. В. Маскаева

*Мордовский государственный педагогический университет им. М. Е. Евсевьева
г. Саранск, Российская Федерация,
alena.maskayeva@bk.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. В статье раскрывается роль интертекстуальности в воплощении поэтического мировидения Алины Подгорновой. Предметом исследования являются приёмы интертекстуальности в её стихотворениях.

Цель: раскрыть функции приёмов интертекстуальности в лирике А. Подгорновой, определить специфику поэтического самовыражения автора.

Материалы исследования: стихотворения А. Подгорновой, включённые в сборники «Кроме рифм», «Мысль».

Результаты и научная новизна. В результате проведённого исследования приходим к заключению о том, что важной чертой постмодернистской поэзии А. Подгорновой является интертекстуальность, придающая произведению смысловую многослойность, формирующая диалогические отношения между автором и его предшественниками. «Общение» поэтессы с классиками, рецепция мирового культурного пространства, исторических и литературных фактов носят осознанный характер, обусловлены стремлением автора раскрыть таким образом противоречивые реалии современной действительности, осмыслить вопросы экзистенциального содержания. Интертекстуальный диалог в её лирике насыщается характерными для эстетики постмодернизма иронией, насмешкой, направленными не столько на десакрализацию культурных кодов, сколько на экспликацию авторской рефлексии дисгармоничного мира.

Интертекстуальное поле стихотворений А. Подгорновой создаётся посредством палитры разнообразных приёмов – цитат в форме эпитафий, реминисценций, аллюзий, отсылок к культурным архетипам, общественно-историческим реалиям. Интертекстуальность в её лирике полифункциональна, становится концептуальной, смыслообразующей, структурообразующей, подтекстовой, оценочной, символической категорией, механизмом выражения авторского поэтического сознания и творческого мировидения. Интертекст вызывает у читателя культурные, образные, мотивные, психологические ассоциации, вовлекает его в своеобразную интеллектуальную игру, основная цель которой – декодировка культурно-символических знаков; интертекстуальность свидетельствует о включённости творчества поэтессы в диалог культур, коммуникацию разных эпох, подтверждает интеллектуальный характер её лирики. Научная новизна статьи определяется тем, что в ней впервые исследуется интертекстуальное поле поэзии А. Подгорновой.

Ключевые слова: современная мордовская поэзия, интертекстуальность, прецедентный текст, эпитафия, аллюзия, реминисценция, А. Подгорнова

Для цитирования: Шеянова С. В., Юсупов А. Ф., Маскаева А. В. Интертекстуальность как способ воплощения авторского мироощущения в поэзии А. Подгорновой // Вестник угроведения. 2023. Т. 13. № 1 (52). С. 150–158.

Intertextuality as a way of embodiment of the author's worldview in the poetry of A. Podgornova

S. V. Sheyanova

*National Research Ogarev Mordovia State University,
Saransk, Russian Federation,
sheyanovas@mail.ru*

A. F. Yusupov

*Kazan Federal University,
Kazan, Russian Federation,
faikovich@mail.ru*

A. V. Maskaeva

*Mordovian State Pedagogical University named after M. E. Evseyev,
Saransk, Russian Federation,
alena.maskayeva@bk.ru*

ABSTRACT

Introduction: the article reveals the role of intertextuality in the embodiment of the poetic worldview of Alina Podgornova. The subject of the research is the methods of intertextuality in her poems.

Objective: to reveal the functions of intertextuality techniques in the lyrics of A. Podgornova; to determine the specifics of the author's poetic self-expression.

Research materials: poems by A. Podgornova included in the collections "Except Rhymes", "The Thought".

Results and novelty of the research: as a result of the study, we come to the conclusion that an important feature of the postmodern poetry of A. Podgornova is intertextuality, which gives the work a semantic layering, forming a dialogic relationship between the author and her predecessors. The "communication" of the poetess with the classics, the reception of the world cultural space, historical and literary facts are conscious in nature. They are conditioned by the author's desire to reveal the contradictory realities of modern reality through them, to comprehend the issues of existential content. The intertextual dialogue in her lyrics is saturated with irony and mockery characteristic of the aesthetics of postmodernism, aimed not so much at the desacralization of cultural codes as at the explication of the author's reflection of the disharmonious world.

The intertextual field of A. Podgornova's poems is created through a palette of various techniques – quotations in the form of epigraphs, reminiscences, allusions, references to cultural archetypes, socio-historical realities. Intertextuality in her lyrics is multifunctional, it becomes a conceptual, meaning-forming, structure-forming, subtextual, evaluative, symbolic category, a mechanism for expression of the author's poetic consciousness and creative worldview. The intertext evokes cultural, figurative, motif, psychological associations of a reader. It involves him in a kind of intellectual game, the main purpose of which is the decoding of cultural and symbolic signs. Intertextuality testifies to the inclusion of the poetess's work in the dialogue of cultures, communication of different eras, confirms the intellectual nature of her lyrics. The scientific novelty of the article is determined by the fact that it explores for the first time the intertextual field of A. Podgornova's poetry.

Key words: modern Mordovian poetry, intertextuality, precedent text, epigraph, allusion, A. Podgornova

For citation: Sheyanova S. V., Yusupov A. F., Maskaeva A. V. Intertextuality as a way of embodiment of the author's worldview in the poetry of A. Podgornova // *Vestnik ugrovedeniya = Bulletin of Ugric Studies. 2023; 13 (1/52): 150–158.*

Введение

В отечественном литературоведении проблемы интертекстуальности и интертекста признаются одними из самых актуальных, поскольку каждый новый творческий проект, художественный текст создаётся на основе «исторических, этнических, мифологических, ментальных и культурных знаний, носителями которых являются предшествующие тексты» [5, 138]. Согласно диалогической концепции культуры М. М. Бахтина, его учению о жанровой памяти, законе «чужого» слова в структуре авторского текста (явившихся основой теории интертекстуальности), художественное произведение любого автора взаимосвязано с предшествующими и последующими литературными текстами, различными эпохами и культурами, оно может восприниматься как часть единого полифонического дискурса, звено межкультурной коммуникации, так как в нём всегда наличествуют культурные знаки, аллюзии, цитаты, реминисценции, эпиграфы, подражания, отсылки к историческо-

му, культурному опыту человечества. Теоретик постструктурализма Р. Барт считал интертекстуальность классическим феноменом, применимым к любому тексту, о чём свидетельствует его хрестоматийное утверждение: «Каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нём на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры. Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат» [2, 417].

Наиболее ярко цитатное мышление проявляется в литературе постмодернизма, что обусловлено, на наш взгляд, своеобразным типом мышления авторов, пессимистичным мировидением, депрессивным настроением, восприятием действительности посредством экзистенциальных категорий, что, в свою очередь, вызывает психологическую необходимость обратиться к классическим образцам мировой культуры (мифологии, фольклора, литературы), осмыслению логики исторического процесса, приводящим к

моделированию индивидуально-авторской картины мира и человека, отличающейся сознательной установкой на критическое, порой ироническое восприятие действительности. В постмодернистской эстетике нет категории идеала, абсолютной ценности, что способствует бесконечной множественности интерпретации текста, приводит к размыванию его границ, усилению контекстуальности, диалогичности.

В современном научном сообществе интертекстуальность воспринимается поэтической программой постмодерна [3, 13]. М. Н. Липовецкий видит в ней материал для авторских манипуляций с мировым культурным дискурсом, который в итоге оформляется в содержательную форму, отражает логику творческого мировосприятия [11]. С ним солидарна исследователь Е. С. Зинурова, по мнению которой, «интертекстуальность – выразительное средство (или комплекс приёмов) преимущественно постмодернистской эпохи, обеспечивающее диалогические отношения между произведениями и их авторами, направленное на переосмысление прецедентного текста и обогащение нового» [8, 42]. Современные литературоведы едины в признании интертекстуальности важной категорией художественного текста, в котором она проявляется разнопланово: как мировоззренческая позиция автора, воспринимающего мир сквозь призму культурно-литературных ассоциаций, как приём углубления символично-смысловой содержательности текста, механизм создания его специфической структуры, постмодернистской поэтики.

В мордовском литературоведении вопросы интертекстуальности остаются на периферии интересов исследователей, что во многом обусловлено, на наш взгляд, сложностью, многогранностью данного термина, а также дискуссионностью, неоднозначностью его интерпретации. Между тем интертекстуальный подход в изучении художественного текста является актуальным и своевременным, поскольку позволяет раскрыть смысловые связи творчества отдельного автора с общим пространством культуры, продемонстрировать его диалогическую включённость в общественно-исторический контекст, проследить процесс «впитывания и трансформации текстов» [15, 2] разных эпох, вычленить «своё» (авторское) и «чужое», оценить уровень модернизации и интеллектуализации национальной словесности. В процессе разработки вопросов интертекстуальности в мордовской литературе весьма полезно было бы изучение анали-

тического опыта зарубежных [15; 18; 19; 20; 21], отечественных [3; 4; 5; 8; 9; 12; 16], финно-угорских [1; 7] учёных, приводящих оригинальные дефиниции данной категории, раскрывающих её историю, теорию, типологию, предлагающих разнообразные стратегии исследования интертекстуального поля разных авторов.

Актуальность нашего исследования обусловлена необходимостью выявления генезиса, границ и содержания интертекстуальности в мордовской литературе, что может быть достигнуто посредством решения более узких вопросов, в частности, анализа фактов интертекста в творческом пространстве отдельных авторов, определения функций таких художественных приёмов как реминисценция, аллюзия, цитата, эпитафия и т. д. Творчество А. Подгорновой вызывает исследовательский интерес в данном аспекте, поскольку оно характеризуется «интеллектуальностью», «сосознанным обращением к «чужим» текстам», «стремлением создать межлитературный контекст, «диалог культур» [17, 125, 126]. Изучение механизмов, функций, приёмов интертекстуальности в поэтическом дискурсе современных авторов, безусловно, акцентирует внимание научного сообщества на решении проблемы постмодернизма в мордовской литературе, как на уровне манифестации теоретических положений, так и представления практического аналитического опыта.

Материалы и методы

Материалом исследования послужили поэтические тексты А. Подгорновой, вошедшие в сборники «Кроме рифм» [13], «Мысль» [14].

В работе использованы структурно-семантический, семиотический, историко-функциональный, метод описательной поэтики.

Результаты

Мордовская поэзия XXI в. отличается интертекстуальностью, «отражающей диалогическое взаимодействие текстов в процессе их функционирования» [4, 65], обеспечивающей приращение содержания произведения смысловой многослойностью. Характерно творчество Алины Подгорновой, апеллирующей к эстетической памяти читателя, побуждающей его к постижению заложенных в различных культурно-исторических контекстах символических смыслов. Интертекстуальное поле её поэзии не только вызывает различные интерпретации, рождает многообразные ассоциации, но и акцентирует интеллектуальность её творчества, позволяет выявить

особенности авторского поэтического мировидения, детерминирует восприятие её лирики в контексте традиций постмодернизма.

Сборники А. Подгорновой «Кроме рифм» [13], «Мысль» [14] насыщены интертекстуальными вставками, которые способствуют оригинально раскрыть классические темы, по-своему объяснить человеческую натуру, декларировать одиночество личности, несовершенства рубежной эпохи, смоделировать «диалог» эпох. Обращение поэтессы к интертекстуальности бессознательно и обусловлено культурной, генетической памятью, а также особенностями постмодернистского стиля, определяемого выражением «жизнь в цитатах».

Одним из приёмов интертекстуальности в стихотворениях автора являются цитаты – «точное или несколько трансформированное воспроизведение пре-текста» [10, 59] – в форме эпиграфа, который воспринимается «частью внешней интертекстуальности», «компонентом текста», «художественным средством создания смысловой законченности» [12, 128]. Цитаты, предваряющие стихотворения поэтессы, взяты из произведений известных (порой малоизвестных) авторов прошлого и современности (А. Пушкина, А. Чехова, М. Анищенко, А. Вознесенского, А. Арапова, С. Казнова, Д. Быкова, Д. Таганова), занимают автономную позицию, вызывают различные интерпретации, соотносятся с авторскими идеями и миропониманием. Русскоязычная часть сборника «Мысль» сопровождается цитатой из «Палаты № 6» А. Чехова: «Органическая ткань, если она жизнеспособна, должна реагировать на всякое раздражение, и я реагирую. На боль я отвечаю криком и слезами, на подлость – негодованием, на мерзость – отвращением. По-моему, это, собственно, и называется жизнью». В данном случае эпиграф свидетельствует об интегрированности художественных традиций разных эпох, отражает литературные взгляды, духовно-нравственные предпочтения и ценностные установки поэтессы, определяет основную идейно-тематическую направленность её творческой мысли – реакция на настоящую действительность, образ жизни и мысли современника, рефлексия разнообразных проявлений человеческой природы – благородных и негативных. Справедливо говорить о концептуальной роли эпиграфа, критицизм, надрывность стиля которого соотносимы с постмодернистским мироощущением эрзянского автора, его вниманием к сложным вопросам онтологического содержания.

Стихотворение А. Подгорновой «Обстановка № 1» сопровождается цитатой А. Вознесенского «В каморке моей, как в гробнице промозглой, /

Арахна свивает свою паутину...», выполняющей маркирующую, подтекстовую и символическую функции. Графически отчужденная от авторского теста «чужая» цитата становится маркером, определяющим звучание, эмоциональную тональность стихотворения, придающим ему подтекстовую смысловую нагрузку. В картине мира поэтессы «паутина в левом верхнем углу комнаты» – символ коммуналки, представленной в гиперболизированном образе «Земной коммуналии», «Коммуналии Вселенной», «многоквартирной Галактики», она воспринимается условием бытового постоянства, размеренности жизни человека, наделённого «единственным богатством» – «мыслью, растёкшейся по строчкам» [13, 46]. Героиню не волнуют внешние материальные проявления жизни, скудность быта (тараканы, старые часы с кукушкой), она озабочена тем, как сохранить в себе человеческие черты – не стать «ткачом паутины». В авторском тексте эпиграф находит своеобразное тематическое развитие, поэтессы словно продолжает напряженно рассуждать над услышанным, изливать свои наблюдения, в итоге приходит к глубокому умозаключению о человеческой нравственности, извечных общечеловеческих ценностях.

Стихотворения А. Подгорновой на эрзянском языке предваряются цитатами из произведений А. Арапова («Азорт-уреть» («Господа-рабы») – строкой «Сталмо эряви кандомс / Эрямонь-пингень перть» («Тяжесть надо нести на протяжении всей жизни») [13, 31], «Сизема» («Усталость») – «Китне кольсть, ды модемскак а ков» («Дороги размыты, да и идти не куда») [13, 33]), стихотворений молодого автора Д. Таганова (эрзянская часть сборника «Мысль» – строкой «Адя мусынек одов кинть, / Кона вети уцяскав модав» («Давай найдём дорогу, / Ведущую в счастливую страну»), «Кода иля пеняця шканть лангс...» («Как не жалуйся на время...») – строкой «Мезесь видезь, се каи пря» («Что посеяно, то и взойдёт») [14, 73]). В данном случае заимствования выражают явное почтение известному эрзянскому поэту А. Арапову, искреннее преклонение перед его талантом, восхищение образностью, афористичностью его стиля, а также одобрение и поддержку Д. Таганову.

Стихотворение «Гой еси, святая Русь» предваряется пушкинской строкой из «Осени»: «Ведь это наконец и жителю берлоги, медведю, надоест». Естественно, внимание читателя акцентировано прежде всего на прецедентном названии – есенинской «Гой ты, Русь, моя родная», однако концептуальную смыслообразующую функцию выполняет эпиграф, при первом восприятии вызывающий лишь пейзажно-образные ассоциации.

Постижение глубокого онтологического смысла фразы достигается постепенно в процессе раскрытия эмоций лирического героя – от врождённого патриотизма «Как служил Отчизне!» до отчаянного: «Мир летит ко всем чертям, / Смердный ветер веет» [14, 13]. В анализируемом тексте эпиграф получает полисемантическую нагрузку: выступает «в качестве минимального элемента перспективы сюжета» [6, 127] (автор намекает на информацию, которая будет манифестирована в тексте стихотворения, акцентирует его проблемно-тематическую направленность), соответствует имплицитным авторским интенциям (чувство разочарования, досады, негодования), передаёт эмоциональный фон поэтического пространства в целом, приводит к констатации универсальных онтологических смыслов.

Анонсируемая заглавием «Гой еси, святая Русь» классически пафосная тема Родины обрастает у поэтессы финансово-бытовым контекстом и находит противоположное хрестоматийному воплощение: героиня испытывает чувство глубочайшего разочарования в современной действительности, что отражается в ироничных формах «растущего кредита», невозможности почувствовать себя «шефом судьбы», «хозяином жизни», в «реальности – пыльном цехе», «полосатых трениках», «смердном ветре» и т. д. Обращение к реминисценции в данном случае обусловлено стремлением автора генерировать генетическую, читательскую память о величии воспетой С. Есениным Руси и одновременно актуализировать насущные проблемы действительности, воссоздать образ современника, терзаемого внутренними противоречиями, материальными и бытовыми проблемами, остро реагирующего на разрушение духовных и нравственных столпов бытия.

В стихотворении А. Подгорновой «По-хозяйски» в качестве прецедентного текста используется поговорка «От любви до ненависти – один шаг», перефразированная форма которой «От любви до без вести – один шаг» позволяет раскрыть авторское восприятие процесса стихотворчества. Поэтесса подходит к осмыслению любви и её роли в жизни поэта с позиций постмодернистской поэтики – лирическая героиня не испытывает потребность всецело принадлежать мужчине, он не становится адресатом её эмоциональных импульсов, она не переживает драматические перипетии любовных отношений, не терзается их угасанием, уходом или предательством возлюбленного. Любовь предстает в виде женщины-мещанки, которая раскладывает мысли по полочкам, считает «безвкусицей» и выкидывает в мусор

слова, подбираемые героиней неделями и годами, «цитаты из книг, прочтённых когда-то», висячий в углу «портрет Маяковского, да пару “Кентавров” Бродского» [13, 100]. Любовь для героини не вдохновение, а «дрейфующий в поле враг», который способен погубить дар («и рюшечек повесить»), уничтожить творческую идентичность («хозяйскою рукой / Смела всё, что было мной» [13, 100]). Она оказывает негативное воздействие на процесс стихописания, качество стихотворений: «Прошу я себя: пиши! / А образов – ни души» [13, 101]. Таким образом любовь в творческой концепции А. Подгорновой воспринимается не только созидательным, но и разрушительным началом, что концептуально не соотносится с традиционным её восприятием.

В стихотворении «Я сию взаперти, в четырёх стенах...» в трансформированной форме воспроизведены строки из «Узника» А. Пушкина «Сию за решёткой в темнице сырой. / Вскормлённый в неволе орёл молодой». Анонсируемый реминисценцией из русского классика романтический образ бунтаря подменяется образом психологически раздавленного расставанием с возлюбленной мужчины. Если у А. Пушкина в заточении томится свободолюбивая личность, готовая бороться и улететь на волю, то герой А. Подгорновой пассивен, не способен на решительные действия, не предпринимает никаких попыток вернуть любимую женщину. Несостоявшийся трагически надрывный поиск выхода из ситуации сменяется состоянием депрессии – герой «не находит покоя», «отрывает от сердца слои, куски», он обуреваем «крепчающей печалью», «учится различать сто цветов тоски», пытается найти оправдание случившемуся, называет свой роман «рассказом на двух листах», который необходимо сжечь, чтоб «воскреснуть из пепла своей беды», однако и эта попытка оказалась неудачной – «ушёл с головой в ядовитый дым», «проиграл все суды». Причина расставания раскрывается в рассуждениях героя («Я так и не понял, в чём был неправ» [14, 55]), свидетельствующих о том, что в отношениях не было доверия, открытости, искренности, молодые люди лишь играли роль возлюбленных («в крови – не любовь, лишь её следы» [14, 55]). Автор не сострадает своему герою, не уважает его, иронизирует над лишенным внутреннего стержня меланхоликом, поведение которого расходится с нравственно-этическими установками классического героя-борца. Именно ироничное восприятие лирического персонажа, противопоставление мужчин разных эпох, их помыслов и интенций приводит автора к рефлексии «чужого» текста.

Реминисценция способствует развитию ассоциативного мышления читателя, расширяет границы поэтического пространства, формирует своеобразный «диалог» поэтов. Зачинающий стихотворение интертекст выполняет структурообразующую функцию, участвует в моделировании архитектуры текста, а также в ироничной форме настраивает на восприятие образно-смыслового содержания произведения, авторской оценки лирического персонажа.

В лирике А. Подгорновой концептуально значимы аллюзии – отсылки к мифологическим персонажам, библейским и сказочным сюжетам, известным историческим лицам, философам, общественно-культурным фактам, ставшим своего рода культурными знаками, символами определённых качеств. Поэтесса буквально жонглирует ими – анализируемые сборники насыщены образами Евы, Адама, Змея-искусителя, Ноя, Атлантиды, Эроса, царя Спарты, Амура, Зевса, Посейдона, Елены Прекрасной, Менелая, Париса, Эриний, Коллизея, острова Буяна, Емели, Деда Мороза, Карлсона, упоминаются Герцен, Маяковский, Коллонтай, Дюринг, Сталин, «Кентавры» Бродского, «Стихи о прекрасной Даме», «Варшавянка», выражающие преимущественно ироническую экспрессию, что соответствует эстетике постмодернизма. При этом авторская ирония получает трагическое звучание, напоминая читателю о бренности человеческого бытия, абсурдности общественного миропорядка, что отражает постмодернистское мировосприятие. Поэтесса ассимилирует схематично описанных античных героев, сказочных персонажей, реальных людей в картину современной действительности, наделяет мифологические, литературные, музыкальные факты скрытыми мотивами. Аллюзии отражают авторскую оценку, которая проявляется не открыто, а на основе образных параллелей и ассоциаций. Следует указать, что А. Подгорнова не использует национальные фольклорные и мифологические аллюзии, что обусловлено её осознанным дистанцированием от традиционного этнокультурного кода и актуализацией глобальных нравственно-этических констант, общечеловеческих ценностей.

В стихотворении «Елеада, или Антиреинкарнация» нашли отражение онтологически значимые темы любви, смысла жизни, самореализации личности, раскрываемые автором в ироническом ключе. Произведение построено в форме диалога между героиней древнегреческой мифологии Еленой Троянской, женой царя Менелая, и современной женщиной, категорически отрицающей возможность существования Елены в условиях современной

действительности. Тщеславная, своенравная и эгоистичная царица, позиционирующая себя «прекраснейшей из женщин», долго ожидала своего часа, грезилась о вечной жизни и красоте («Знать, зря я вернулась, огнями любви палима?» [13, 44]). Однако её ожидают разочарование, обида, непонимание. Приземлённая соперница предлагает ей забыть о прошлом («Елена, статуи ваши в лощинах трещин...»), «Елена, поймите, вам прежней уже не стать» [13, 44]), подстроиться под современные условия, взять новое имя («Знайте, Елена, теперь вы просто... Алина»), иронизирует над ней («Если имя не по душе, можете взять Ньюку...» [13, 44]). Оказавшись в суровых реалиях современности, Елена не готова смириться с ними, однако так и не выбрав новое тело и имя для реинкарнации («Ах ты мерзкое имя! Тщедушное тельце, мразь!» [13, 44]), она возвращается в царство мёртвых – «пансионат Аида». Иронично построенная оппозиция мифологический образ / земная женщина раскрывает критическое мировосприятие поэтессы, её желание вступить в «диалог» с образами прошлого, подшутить над ними, соотнести ценности разных исторических эпох.

Оригинальная интерпретация библейского мифа о сотворении человека представлена в стихотворении «Ересёнок». Как правило, прецедентный текст воспринимается как штамп, истина, однако эта аксиома разрушается под влиянием постмодернистских тенденций. Именно этим обусловлена смелая попытка поэтессы переиграть общеизвестный архетипический сюжет. «Стрелки на ветках зреют вместо яблок. // Змей в недоумении». // Ева хохочет: стрелки острием вверх, // А она и так наверху, ей выше некуда» [13, 47] – картина противоречит христианской легенде. В поэтическом пространстве текста учение о первородном грехе и греховности человеческой природы подвергается деформации: первая женщина отличается свободолобием, смелостью и решительностью («Ева поднимается, смахивает тучи рукавом, как пыль» [13, 47]), она не только романтична («А теперь будем смотреть, как цветут яблони»), но и практична – смогла заставить змея спуститься с дерева (ему «пришлось остаться внизу и растить сад») [13, 47]). Адам наделяется комплексами, он дезориентирован и пассивен. Такая интерпретация ветхозаветных образов продиктована, на наш взгляд, мировосприятием современного общества, идеями феминизма, осознанием роли женщины в социуме.

У А. Подгорновой аллюзии часто получают насмешливую окраску, воспринимаются как устаревшие ценности, идеологические постулаты

прошлых эпох: «Читал ты Коллонтай, а не сонет, / Что в наше время даже неприлично» [14, 48]. В стихотворении «В тот день дул норд...» резкость по отношению к известной революционной песне («Мне «Варшавянку» в песню о любви, / Срываясь на высоких, перепели...» [14, 51]) обусловлена осмыслением героем дисгармоничной современной действительности: «И вспомнил я, что осознал сполна: / Отнюдь не процветающий оазис – / Мой мир по обе стороны окна, / А лишь под снос пригодный старый базис» [13, 52]. В данном случае историко-культурные аллюзии передают авторское трагическое мироощущение, восприятие мира как сцепления противоречивых обстоятельств и ситуаций.

Обсуждение и заключение

Проведённое исследование позволяет резюмировать, что интертекстуальный дискурс в лирике А. Подгорновой придаёт произведению смысловую многослойность, символическую многомерность, диалогичность. Заимствованная поэтессой конструкция классического «фундамента» создает эффект «диалога» культур и эпох, запускает механизм ассоциаций, интерпретаций, некое чувственно-интеллектуальное воздействие на читателя, позволяет воспринять уникальность авторских интенций, особенности творческого мироощущения. Эта концепция вписывается в основанную на межтекстовом взаимодействии эстетику постмодернизма, одновременно обращение к «чужому» слову свидетельствует о его значимости для А. Подгорновой, посредством него она аккумулирует генетическую память поколений, выражает собственные идеи и эмоции. Безусловно, интертекстуальность отражает специфику поэтического самовыражения автора – минорность настроения, трагичность мировидения, дерзость и непреклонность героини, поэтическая манифестация нравственных констант, что, в свою очередь, обуславливает стремление поэтессы «разбавить» свои мысли «чужим» словом, внутреннюю её потребность провести «диалог» с классиками, в ироничной форме «подискутировать» с мифологическими и библейскими персонажами, но, прежде всего, эмоционально-образное осмысление культурного и исторического наследия человечества во взаимосвязи с противоречивыми реалиями современной дей-

ствительности. Доступность рефлексии наделённого автором иными смыслами символического кода определяется уровнем интеллекта читателя, основная функция которого заключается в декодировке первоисточника и раскрытии его смыслового содержания в контексте авторского текста.

В сборниках «Кроме рифм», «Мысль» мы выявили 18 произведений, предворяющихся эпиграфом, в 13 стихотворениях находим реминисценции; книги характеризуются обилием мифологических, библейских, исторических, литературных аллюзий. Эпиграф в поэзии А. Подгорновой становится приёмом, задающим тональность произведения, раскрывающим его семантическую содержательность, смыслодержательной опорой, воплощающей авторский замысел. Посредством него поэтесса подчёркивает уважительное отношение к автору цитаты, свое единомыслие с ним, стремление соотнести собственную концепцию мира с «чужой» поэтической реальностью.

В стихотворениях А. Подгорновой наблюдаются текстовые реминисценции из произведений русских и национальных поэтов – А. Пушкина, С. Есенина, М. Цветаевой, А. Арапова, используемые в трансформированной форме, наделяемые полифункциональной семантикой. Естественно, реминисценции легко узнаваемы, однако по концептуально-содержательной наполненности, образной системе, манифестируемым философским обобщениям, эксплицированным ценностным константам, в понимании смысла человеческого бытия произведения А. Подгорновой отличаются от классических образцов, что объясняется ментальностью разных историко-культурных эпох.

Аллюзии к библейским персонажам, героям древнегреческой мифологии, общественно-культурным реалиям прошлого свидетельствуют об интересе поэтессы к мировому культурному наследию, её стремлении переложить классический контекст на современную действительность, осмыслить диалогические связи времен, оценить гуманистический опыт цивилизаций. Посредством интертекстуальности культурный диалог у А. Подгорновой получает признательную, одобрительную, ироничную семантику, при этом воспринимается как непреложный опыт человечества, который нельзя игнорировать.

Список источников и литературы

1. Арзамазов А. А. Женские стратегии письма в удмуртской литературе: поэзия Анастасии Шумиловой // Вестник угроведения. 2020. Т. 10. № 1. С. 7–16.
2. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
3. Безруков А. И. Поэтика интертекстуальности. Бирск: Бирская гос. соц.-пед. академия, 2005. 70 с.

4. Беляева Н. В. Актуализация интертекстуальных связей в современной поэзии // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 2. С. 65–70.
5. Гогина Л. П. Применение принципа интертекстуальности в современном литературоведении // Дискуссия. 2014. № 5 (46). С. 138–144.
6. Горячева Е. Д. Прагматика эпиграфа художественного текста в аспекте интертекстуальности // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2019. № 4. С. 127–132.
7. Душенкова Т. Р. Удмуртская поэзия постмодернизма: «женский взгляд» Л. Нянькиной // Вестник угроведения. 2015. № 2 (21). С. 35–45.
8. Зинурова Е. С. Интертекстуальность в российской поэзии рубежа XX–XXI веков: дис. ... канд. филол. наук. М., 2018. 225 с.
9. Керимова Д. Ф. Интертекстуальность как текстообразующая категория литературы постмодернизма (на примере сборника рассказов и эссе Т. Н. Толстой «Не кысь»): дисс. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2017. 152 с.
10. Керимова Д. Ф., Мазанаев Ш. А. Интертекстуальность современной поэзии (на материале стихов Романа Сорокина) // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2022. Т. 37. № 1. С. 57–62.
11. Липовецкий М. Н. Русский постмодернизм: Очерки исторической поэтики. Екатеринбург: Уральский гос. пед ун-т, 1997. 317 с.
12. Напцок Б. Р., Соколова Г. В. К проблеме изучения интертекстуальности в художественном произведении // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2018. № 4 (227). С. 123–131.
13. Подгорнова А. Кроме рифм. Саранск [б. и.], 2016. 144 с.
14. Подгорнова А. Мель (Мысль). Саранск: Красный Октябрь, 2021. 112 с.
15. Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности / пер. с фр., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 240 с.
16. Фёдорова Л. Г. Типы интертекстуальности в современной русской поэзии: постмодернистские и классические реминисценции: дисс. ... канд. филол. наук. М., 1999. 198 с.
17. Шеянова С. В., Юсупова Н. М., Габидуллина Ф. И. Специфика поэтической системы А. Подгорновой (сборник «Мель» («Мысль»)) // Вестник угроведения. 2022. Т. 12. № 1. С. 123–132.
18. Allen G. Intertextuality. London: Routledge. 2000. 238 p.
19. Lachmann R. Gedächtnis und Literatur: Intertextualität in der russischen Moderne. Frankfurt am Mein: Suhrkamp, 1990. 554 p.
20. Panagiotidou M.-E. Intertextuality and Literary Reading: A cognitive poetic approach. Nottingham: Nottingham University Press. 2011. 334 p.
21. Worton M., Still J. Intertextuality: Theory and practices. Manchester: Manchester University Press, 1990. 194 p.

References

1. Arzamasov A. A. *Zhenskie strategii pis'ma v udmurtskoj literature: poezija Anastasii Shumilovoj* [Women strategies of writing in Udmurt literature: poetry of Anastasia Shumilova]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2020, no. 10 (1), pp. 7–16. (In Russian)
2. Bart R. *Izbrannye raboty: Semiotika. Pojetika* [Selected works: Semiotics. Poetics]. Moscow: Progress Publ., 1989. 616 p. (In Russian)
3. Bezrukov A. I. *Pojetika intertekstual'nosti* [Poetics of intertextuality]. Birk: Birkaya gos. soc.-ped. akademiya Publ., 2005. 70 p. (In Russian)
4. Belyaeva N. V. *Aktualizacija intertekstual'nyh svyazej v sovremennoj poezii* [Actualization of intertextual connections in modern poetry]. *Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik* [Verhnevolzhski philological bulletin], 2020, no. 2, pp. 65–70. (In Russian)
5. Gogina L. P. *Primenenie principa intertekstual'nosti v sovremennom literaturovedenii* [Application of the principle of intertextuality in the modern literary studies]. *Diskussija* [Discussion], 2014, no. 5 (46), pp. 138–144. (In Russian)
6. Goryachyova E. D. *Pragmatika jepigrafa hudozhestvennogo teksta v aspekte intertekstual'nosti* [Pragmatics of the epigraph of a literary text in the aspect of intertextuality]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki* [Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics], 2019, no. 4, pp. 127–132. (In Russian)
7. Dushenkova T. R. *Udmurtskaja poezija postmodernizma: "zhenskij vzgljad" L. Njan'kinoy* [Udmurt poetry of postmodernism: "women's view" by L. Nyankina]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2015, no. 2, pp. 35–45. (In Russian)
8. Zinurova E. S. *Intertekstual'nost' v rossijskoj poezii rubezha XX–XXI vekov* [Intertextuality in Russian poetry at the turn of the XX–XXI centuries]. Moscow, 2018. 225 p. (In Russian)
9. Kerimova D. F. *Intertekstual'nost' kak tekstoobrazujushhaja kategorija literatury postmodernizma (na primere sbornika rasskazov i jesse T. N. Tolstoj "Ne kys")* [Intertextuality as a text-forming category of postmodern literature (on the example of a collection of stories and essays by T. N. Tolstoy "Ne kys")]. Makhachkala, 2017. 152 p. (In Russian)
10. Kerimova D. F., Mazanaev Sh. A. *Intertekstual'nost' sovremennoj poezii (na materiale stihov Romana Sorokina)* [Intertextuality of modern poetry (based on the poems by Roman Sorokin)]. *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2: Gumanitarnye nauki* [Herald of Dagestan State University. Series 2. The Humanities], 2022, no. 37 (1), pp. 57–62. (In Russian)

11. Lipovetskiy M. N. *Russkij postmodernizm: Oчерki istoricheskoy pojetiki* [Russian Postmodernism: Essays on historical poetics]. Yekaterinburg: Uralskiy gos. ped un-t Publ., 1997. 317 p. (In Russian)
12. Naptsoк B. R., Sokolova G. V. *K probleme izuchenija intertekstual'nosti v hudozhestvennom proizvedenii* [To the problem of studying the intertextuality in a work of literature]. *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2: Filologija i iskusstvovedenie* [The Bulletin of the Adyge State University, the series "Philology and the Arts"], 2018, no. 4 (227), pp. 117–122. (In Russian)
13. Podgornova A. *Krome rifm* [Except Rhymes]. Saransk: [w/p], 2016. 144 p. (In Russian, Erzya)
14. Podgornova A. *Mel'* [The Thought]. Saransk: Krasnyj Oktjabr' Publ., 2021. 112 p. (In Russian, Erzya)
15. Piege-Gro N. *Vvedenie v teoriju intertekstual'nosti* [Introduction to the theory of intertextuality]. Moscow: Izdatel'stvo LKI Publ., 2008. 240 p. (In Russian)
16. Fedorova L. G. *Tipy intertekstual'nosti v sovremennoj russkoj poezii: postmodernistskie i klassicheskie reminiscencii* [Types of intertextuality in contemporary Russian poetry: postmodern and classical reminiscences]. Moscow, 1999. 198 p. (In Russian)
17. Sheyanova S. V., Yusupova N. M., Gabidullina F. I. *Specifika pojeticheskoy sistemy A. Podgornovoj (sbornik "Mel'" ("Mysl'"))* [Specifics of the poetic system of Alina Podgornova (collection "Mel'" ("The Thought"))]. *Vestnik ugrovedenija* [Bulletin of Ugric Studies], 2022, no. 12 (1), pp. 123–132. (In Russian)
18. Allen G. *Intertextuality*. London: Routledge, 2000. 238 p. (In English)
19. Lachmann R. *Gedächtnis und Literatur: Intertextualität in der russischen Moderne*. Frankfurt am Mein: Suhrkamp, 1990. 554 p. (In German)
20. Panagiotidou M.-E. *Intertextuality and Literary Reading: A cognitive poetic approach*. Nottingham: Nottingham University Press, 2011. 334 p. (In English)
21. Worton M., Still J. *Intertextuality: Theory and practices*. Manchester: Manchester University Press, 1990. 194 p. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Шеянова Светлана Васильевна, профессор кафедры финно-угорской филологии, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева (430005, Российская Федерация, Республика Мордовия г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68), доктор филологических наук, доцент.

sheyanovas@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-6504-3410

Юсупов Айрат Фаикович, доцент кафедры татарского языкознания Института филологии и межкультурной коммуникации, Казанский федеральный университет (420035, Российская Федерация, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Татарстана, д. 2), доктор филологических наук, доцент.

faikovich@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-0363-5303

Маскаева Алена Вячеславовна, студент филологического факультета, Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е. Евсевьева (430007, Российская Федерация, Республика Мордовия г. Саранск, ул. Студенческая, д. 11а).

alena.maskayeva@bk.ru

ORCID ID: 0000-0002-7680-9872

ABOUT THE AUTHORS

Sheyanova Svetlana Vasilyevna, Professor, Department of Finno-Ugric Philology, National Research Ogarev Mordovia State University (430005, Russian Federation, Republic of Mordovia, Saransk, Bolshevistskaya St., 68), Doctor of Philological Sciences, Associate Professor.

sheyanovas@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-6504-3410

Yusupov Ayrat Faikovich, Associate Professor, Department of Tatar Linguistics, Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan Federal University (420035, Republic of Tatarstan, Kazan, Tatarstan St., 2), Doctor of Philological Sciences, Associate Professor.

faikovich@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-0363-5303

Maskaeva Alena Vyacheslavovna, Student, Faculty of Philology, Mordovian State Pedagogical University named after M. E. Evseyev (430007, Russian Federation, Republic of Mordovia, Saransk, Studencheskaya St., 11A).

alena.maskayeva@bk.ru

ORCID ID: 0000-0002-7680-9872